

18+

Бетас Разносторонний

Полое собрание сочинений

Ветас Разносторонний Полное собрание сочинений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60969823

ISBN 9785005152626

Аннотация

Недоразумения случаются. Когда они случаются, записывайте их. А потом публикуйте в виде книги. Например, вот эта книга могла быть полным недоразумением, но я всё записал. И опубликовал. А теперь вы держите её в руках, читаете эти слова, и это могло бы быть недоразумением. Но решать вам. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Сева Даль из Фигася	6
Шесть	6
Девять	9
Курица или яйцо	14
Двенадцать	17
Сонные мухи	18
Шмыгля	21
Пони и мания	24
Смотри не сорвись	28
Квант взросления	30
Курьеры	33
Я стал девочкой	36
Давид Баблищев	38
Брат	42
Юнайтед хот бичез	45
Ход и бой	50
Ви́ла Бертран	53
Родина	56
Лебеди в слонах	60
И такое случается	63
Стафф	65
Упс	71
Аномалия	73

Не тётка
Конец ознакомительного фрагмента.

77

79

Полное собрание сочинений

Ветас Разносторонний

© Ветас Разносторонний, 2020

ISBN 978-5-0051-5262-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сева Даль из Фигася

Шесть

Я бежал по полю и со всей силы бил по красивым, напоминающим кучевые облака, шарам одуванчиков. Они с криком падали на тысячи парашютистов-семян и улетали, подхваченные ветром, гонящимся за мной. Я ненавидал их. Они были отвратительно симметричны и безукоризненно красивы.

Бутоны полевых цветов пытались спрятать свои уродливо кричащие радостными цветами сущности за листья защитных покровов; стебли гнулись, но были настолько упруги, что все потуги бутонов сходили на нет. Они получали ногой по своим противно-идеальным мордам и, взвизгивая соком, отлетали на метры в сторону, окровавленно бились о землю и издыхали.

Я бежал, сокрушая мирное существо семейств разноцветных и полевых, ярких и жизнерадостных, ничего не подзревающих и живых. Я ненавидал их! Тоже. Они, кислотно-противные, должны были мне помочь. Но ничего не делали. И за это должны были умирать. И умирали, втаптываясь в серую глину самости и тлена, хаоса.

Маленькая берёзка, стоявшая в одиночестве посреди по-

ля, ласково играла с солнечными брызгами лучей. Хрусть! Я её тоже ненавидел! Больше не потянет она своих ветвей-щупалец к старому огненному шару, ослепительно-огненной причине энтропии. Хрусть в обратную сторону, и в моих руках появилось оружие от природы. Меч флоры и истребитель фауны. Теперь мне было намного легче наносить точечные удары необузданного гнева. Словно напалмом, поливающая лейка обезумела от атмосферного давления и брызжет смертью пуще радиоактивного ливня.

Так я наносил удары берёзкой-катаной по живому покрову поляны. Так я бежал и молча крушил мироздание. Своё. Чужое. Общее. Ничьё. Пустое. Без оглядки. Сзади ничто, впереди обман. Лишь ящерица, греющаяся на холмике муравейника, удивлённо посмотрела на пробегающий эктоплазматический тайфун, но не успела сообразить. Дура!

Катана разрубила её брненное тело на две неравные части. Передняя в умиленной агонии побежала вперёд, а задняя отбросила хвост. Муравейник содрогнулся и был раздавлен одной левой. Я остановился, тяжело дыша, поднял хвост ящерицы, горсть земли с яйцами муравьёв и положил всё в карман. Они-то уж точно меня не подведут.

А вот и ручей! Ручей, протекающий по окраине опушки, весёлым перезвоном бежал со стороны холмов в сторону недостижимого горизонта, горизонта горя. Гори горе, зонт не спасёт тебя от огненных шаров смерти, горизонт смерти, горизонт событий.

Подбежав к ручью, я начал отчаянно бить его ногами, и, чтобы ему было больнее, зашёл на середину, и стал прыгать и бить его берёзкой-катаной. Словно самурай в смертельной схватке, осознавая своё близкое поражение, но не признавая его, из последних сил рушит ударами врага, который вмиг оказывается за его спиной и молча наблюдает за акробатическими финтами клоуна-шапитошника.

На другом берегу я увидел лягушку. Я знал, что это она! Царевна. Я нашёл её. Отбросив назад катану, я медленно подошёл и взял её двумя руками. Она смотрела на меня и мысленно стала рассказывать о себе. Но я-то всё знал наперёд! Медленно, чтобы не испугать царевну, я поднёс её к своим губам. И прошептал ей: «Я пришёл!».

А потом откусил ей голову. Кровь брызнула мне в лицо и залила глаза. Я упал на землю и дико заорал! Мой крик был слышен на той стороне Вселенной, он разрывал меня на части. На шесть ровных частей. Я ненавидел всех! Я старел. Сегодня мне исполнилось шесть лет.

Девять

Сегодня, в день, когда ему исполнилось девять, у меня из головы не выходила одна мысль. Она как никогда ясно обрисовывала его развитие, его предназначение и подводила черту под уже прожитыми им днями; дальше он будет развиваться, будет себя совершенствовать. Я надеюсь на это, но ничего прогнозировать не буду...

Красный свет светофора помог собраться с мыслями. Когда ему исполнилось девять лет, он понял, что мир вокруг него – это его мир. Что он сделал его таким своими помыслами. Что некого винить и незачем! И что его главная задача – не рассыпаться в прах, не распыляться по пустякам, а нести миру себя, свою энергию, свою самость. Нести добро.

По прошествии прожитого времени он оглянулся назад и увидел, чего достиг. В его возрасте это большая редкость. Я могу лишь предположить, что же он увидел в ретроспективе прошедшего...

Когда ему был ноль, он был. Его сознание было сознанием Вселенной. Кто мог сказать, что он – это ничто? Кто мог сказать, что знает его? Кто был уверен, что его не знает? Он был всем, и одновременно им были все, все без исключения до своей инициации были им. И он в его собственный ноль, в ноль Вселенной, тоже был всеми. Но потом произошло нечто. Это происходит всегда, со всеми, главное – по-

нять.

Создание или инициация – это время длилось ровно одну секунду, но на его планете прошло ровно 365 дней. Потому что его инициировали человеком. Вы можете поспорить и сказать, что в тот год было 366 дней. Это не так. Взгляните на календарь, вы не найдете тот год, а в тот год было именно 365 дней. Ровно секунда, ровно 365 дней. Ему был всего один. Но секунды бежали неумолимо.

Когда наступила вторая секунда, началась борьба проти-воположностей. По очереди: вторая секунда шла за первой, но не везде и не всегда. Иногда случалось наоборот. Это называлось обратным отсчётом. В этом скрыт важный аспект двойственности. Момент, когда можно сказать, что вторая идёт за первой, но, поворачивая взор вспять, мы понимаем, что первая идёт за второй. Иногда и поворачиваться не нужно, чтобы понять это. Противоположности пытаются найти компромисс, вспомните магнитные полюса. Они противоположны, но они притягиваются. Точно так притягивались противоположности к нему и в нём. Наполняя его до краев, но сохраняя идеальный Вселенский баланс. И пусть сегодня учёные заявляют нам, что более 90% Вселенной – это тёмная материя. Не верьте этому. Она не тёмная – она просто уравновешенная до абсолютного значения. Тогда ему было два.

Третья секунда и очередные 365 суток на планете были ознаменованы ничем! Не нужно было ничего ознаменовывать, всё свершилось само собой. Противоположности вто-

рой секунды остановились в идеальном абсолюте гармонии. Гармония – это когда понимаешь, что волны бытия омывают тебя ласково, с заботой, с теплом, но ты их не замечаешь. Потому что когда хорошо, никто не задумывается об этом. В итоге ничего. Никаких крайностей, всё ровно, умиротворённо, уравновешенно, но не стоит на месте. Такие секунды редкость. 3, 333, 333333333 – самые лучшие секунды, наверняка. Ему было всего три.

Четвёртая секунда столкнула четыре стихии. Землю, воздух, воду и огонь. Он выпал из цикла и просто наблюдал, это было не его время, не его секунда. В ожидании перемен провёл он её. Ему было четыре. Он начинал осознавать своё предназначение, но мог ещё ошибаться.

Когда наступило пять, случились перемены. Он стал частью пяти. Пятым элементом. Недостающим звеном в цепочке, замыкающим звеном пирамиды золотого сечения. Он был в основании и был везде. Основание было в нём. Стремление к самосовершенствованию, обучению, познанию развивалось с устрашающей скоростью. Свет не поспевал за ним, тьма окутала его помыслы. Познавая мир, он терял равновесие. В конце пятой секунды случилось то, о чём он знал. Мечтал ли он об этом? Ему было всего пять, и он был обычным человеком.

Шесть, символизирующая падшее семя, символизирующая потерю контроля над собой, символизирующая нарушение равновесия. Тьма, холод, сырость, болезнь, грязь, смрад,

яд, зло. Шестая секунда поглотила его, заблокировала все защитные процессы. На пороге стоял сатана в красных трусах и манил его, манил. Сладостные обещания, испещрённые червоточинами лжи, фальши, лести, сладострастия, зависти и... замутнённый рассудок, а потом падение... Долгое, стремительное, безнадёжное. 365 дней падения, ровно одна секунда. Свет в конце туннеля отсутствовал, ибо конца не было. Лишь искра надежды и веры, бегущая следом за падающим человеком; проблеск искры, отгоняемый мириадами чертей и ведьм. Но всё-таки проблеск, всё-таки искра. Ему было шесть. Он видел свет искры. Он задумался.

Далеко позади него, когда падение было невозможно повернуть вспять, небеса разверзлись, и он увидел Атлантов, держащих на своих каменных плечах небеса. Наступила седьмая секунда, седьмые 365 дней спустились на Землю, чтобы заявить о настоящей власти, настоящей силе, настоящей любви и абсолюте добра. Даже самые порочные грешники получили надежду на спасение. Он ухватился за свет, льющийся с небес. Это было почти невозможно, но в нём разгорелась искра. Ветер стремительного падения с каждым мгновением раздувал спасительную искру, и огонь возгорелся. Огонь понимания, огонь спасения. Ему было семь, и он встретил Бога. И он поверил.

Следующая секунда стала для него бесконечностью, бесконечностью покоя, умиротворения и одухотворённости. Он научился разбираться в добре и зле. Обрёл потенциал беско-

вечной жизни, познал цикличность Вселенной, когда душа спускается с небес, делает полный оборот жизни и заканчивает её внизу, на Земле, уходя снова на небеса. А на небесах она делает полный оборот и снова уходит вниз. И так было всегда, и так есть, и так будет. Он выбрал свой путь, путь, в котором всё его будущее зависит от веры. Ему было восемь. Вера была с ним.

Когда ему исполнилось девять, он понял. Семя не должно падать, оно должно стремиться вверх, к свету, к добру. Девять – символ Жизни и Добра. Его главная задача – не рассыпаться в пыль и не расплыться по пустякам, а нести миру себя, свою энергию, свою самость. Нести добро. Он стал человеком. Наступила его девятая секунда. С этих пор началась его жизнь.

Светофор загорелся зелёным, и поток машин тронулся по шоссе. В бесконечности потока растворялись люди, мысли, желания и сама жизнь. Не многим дано понять ребус своего существования. Понять его смысл, когда тебе всего лишь 9 – чудо. Сева понял. Я надеюсь на это, но ничего прогнозировать не буду, ведь у него столько ещё впереди.

Курица или яйцо

Когда по Фигасю пронёсся слух о падении метеорита, Сева Даль понял, что неспроста это.

– Они за мной вернулись! – сказал Сева отцу и матери, которые сидели у голографического проектора и смотрели онлайн-передачу о марсианском садоводстве...

– Кто вернулся? – в два голоса спросили родители.

– Они... – загадочно ответил сын и кивнул головой в сторону окна.

– Деревья?! – спросил удивлённо отец.

– Нет, мои настоящие родители! – шёпотом произнёс Сева.

– ?!?!??? – родители посмотрели на сына.

– Ты что, траву тёти Гаш курил, что ли? – глядя то на сына, то на мужа, спросила мать Севы.

– А я чо?! – удивлённо и невинно произнёс отец Севы.

– Нет, я не курил траву тёти Гаш, её курил папа с папой Пикассина, а я пришёл попрощаться с Вами. Прощайте, мои милые земные родители! Мама и папа, мне будет вас не хватать!

– Милая, зачем мы покрасили чердак? – спросил у жены отец Севы. – У нашего сына появились настоящие родители!

– Надо вызвать доктора, мне кажется у Севы жар, – мать встала с левитирующего кресла-качалки и на левитирующих

тапках подплыла к сыну.

– Чердак здесь ни при чем. Вы, наверно, слышали, что прилетел метеорит? – уклоняясь от руки матери, пытающейся потрогать лоб сына, спросил Сева.

– Да, сынок. Слышали. Прилетел кусок вонючего дерьма, вокруг которого сейчас мечутся администрация города и области, спасатели, службы безопасности и туристы с голограф-аппаратами. Но никто не знает, что делать с вонью! И соседний город, в сторону которого сейчас дует сезонный ветер нашей планеты, уже ахерел от вони и скупает новые фемтокондиционеры. Скорее всего, нам придётся немного пересмотреть семейный бюджет и ограничить твоё финансирование, потому что скоро ветер подует в нашу сторону.

– Папа, это Вербер написал рассказ такой. А к нам прилетели мои родители, и я улетаю, прощайте, – Сева повернулся и стал мерцать. В телепортаторе был отрицательный баланс, а услуга «Доверенный телепорт» работала всегда на плохих шлюзах.

– Если, сынок, ты сказал правду, моя сущность выйдет из-под контроля и осуществит какое-либо деструктивное действие с базами данных, последствиями коего может быть искривление пространственно-временного континуума и возвращение Вселенной в состояние сверхновой коллапсирующей в минуспространство. Передай это твоим настоящим родителям и скажи им, что через год мы сможем тебя забрать, только платно. Многоплатно! Понимаешь?

– Да, папа. Значит, это всего лишь метеорит?! – мерцание прекратилось, и Сева повернулся в сторону отца и ничего не понимающей матери.

– Теперь, сыночка, по выходным только оффлайн! И на свежий воздух! Скафандр с баллонами мы уже купили.

Двенадцать

*Стихами выливая псевдоформу на поверхность,
Он ленту вечности объёмом вышивает,
Преградами опутан, словно паутиной капилляров,
Неточные судьбы удары отражает, поражая.
Его в порывах гнева озаренье покидает,
На то она и жизнь, искореняя нетерпимость,
Плетётся нитью пагубно-смиренной,
Рыдает, тает, падает плашмя, сознание закрывая.
Безукоризненный узор воспоминаний ровный
Нарушен приступом банальной энтропии,
Вплетает ритмию в ровное дыхание Вселенной.
Двенадцать циклов пройдено, отныне всё по кругу.
Цветок рододендрона расцветёт под лунным светом,
Лазурно-мрачно-тускло-алого окраса пышный,
Движеньем мысли покрывало вечности чуть вздрогнет
Следами старых масляных подтёков чертыхнётся.
Слой пыли сбит одним лишь взглядом, слышно
Стоит безмолвьем окружённый, словно слово,
Роняет буквы, знаки, цифры, смысл изменяя,
Он Сева Даль – пацан всего-то, и ему двенадцать.*

Сонные мухи

– Мы не можем забрать его с собой, Гглокк. Он огромен!

– Следуйте директивам, а не здравому смыслу, Гррытт.

Не на каждой планете встречаются такие интересные формы еды, грузите его на подъемник, – капитан был чрезвычайно рад находке, потому что последние 12 999 999 световых лет они не встречали столько биомассы ни на одной планете.

– Но как вы себе это представляете, он больше подъемника в тысячу раз! – Гррытт, старший помощник капитана Гглока, был прагматиком четвёртой степени, но иногда его доводы выводили из состояния спокойствия даже самую сущность спокойствия.

– В тысячу триста сорок два раза, если быть точным, – подметил бортовой анализатор, которого ласково называли Жжузз.

– А почём вы знаете, что его нельзя поднять, Гррытт? Может быть, вы уже пробовали погрузить такую биомассу или вы умнее энциклопедии Жжузза? Пропустите транспортировочные канаты в корпусные отверстия биомассы, сформируйте импульс Муарра и сверните восьмое измерение, и всё! Это задачка для тридцать восьмой ступени! Эх вы, старпом!

– Но-о-о...

– Никаких но, наших технологий достаточно для того, чтобы увезти этот груз с этой планеты. Грузите. Нам его хва-

тит, чтобы десять раз слетать на диск в Прудонскую галактику и обратно. Грузи-и-ите-е-е, Гррытт!

– Для погрузки потребуется включить мотор Блоррка, а я не уверен, что он поведёт себя в атмосфере этой планеты, как требует того...

– Вы что говорите?! При посадке на планету Жжужз рассчитал все необходимые параметры. В том числе был рассчитан коэффициент Шмупля. Вам недостаточно этих данных, чтобы быть уверенным в результатах?! Гррытт, не требите мне жмозг!

– Тревога! Активность 63!

«Шлёп», – в квадратной тишине комнаты прозвучал смачный хлопок, звон бьющихся стёкол, скрежет металла, взрыв топливных отсеков.

– Мухи? Зимой? – Сева посмотрел на ладонь, в которой лежали, подёргиваясь, две полудохлые мухи. Поднеся их к уху, он услышал жужжание. Хотя нет, жужжание было безумно похоже на мультяшную речь.

– Активируйте спазматическую абстракцию, Гррытт!

– Гллокк, я умираю. Я был рад, что провёл эти долгие секунды с таким отважным капитаном, прощайте...

– Не-е-е-е-ет! – раздался пронзительный крик Жжужза.

– Жжужз, без паники! Активируйте Дихфолоску, это приказ!

«Вот ведь фигня причудится!» – Сева потрянул головой, подошёл к окну, открыл форточку и швырнул туда полудох-

лых мух. Отвернувшись от окна, он услышал хлопок взорвавшейся петарды. За окном. А потом ещё один, и ещё. Он потянулся и подумал: «Как классно, что Жжузз немного протупил и запустил режим «Уничтожение +9».

Шмыгля

– Бежим. Он проснулся! – закричал подросток и помчался в сторону от человека открывшего глаза. Вслед за ним врассыпную от лежавшего на траве кинулись остальные.

– Стоять – бояться! – человек попытался поймать убегающих, но споткнулся и грохнулся на землю. – Ай-й-й, бля-я-я!

Шнурки ботинок были связаны друг с другом намертво. Карманы брюк были вывернуты наизнанку и всё пропало...

– Стойте! Верните шмыгля! – крикнул мужчина вслед хулиганам, но их уже и след простыл. – Всё пропало, я потерял шмыгля, теперь мне нет пути назад, – сказал он шёпотом, поднатужился, покраснел, побагровел и лопнул.

Останки странного человека, потерявшего шмыгля, повисли на ветвях яблони, под которой он нечаянно уснул. В шмыгле было всё, а теперь ничего нет. Тот, к кому она попала в руки, может в течение всей жизни и не осознать величия, силы и предназначения шмыгли.

Но волей судьбы обладателем шмыгли стал Сева Хасинтович Даль из Фигася. Бравый, бойкий и одновременно болезненный, дистрофичного вида подросток. Он исправно сморкался в шмыгля, вытирал об неё руки, подкладывал под разные предметы, кидал в других, иногда полоскал в лужах и ручейках, несколько раз терял, а затем находил, заворачивал

в неё объекты, и всё чаще стал замечать, что она не старится и не изнашивается.

– Странно, – говорил он своему другу Пикассину, – я в неё замотал ядро и кинул с горы, и ни единой дырочки, как новая.

– Да ладно тебе заливать, – не верил ему Пикассин, хватал шмыглю и пытался порвать её. Но его потуги всегда завершались безуспешно. А шмыгля смотрела на них и ждала, когда же её начнут использовать по назначению.

Однажды, теплым зимним вечером, Сева вернулся домой очень взволнованным.

– Что случилось, сынка? – ласково спросила мама.

– Мама, я могу изменить мир!

– Э-э-э... Опять?! – мать была очень огорчена, что посещения психиатра не помогают.

– Ма-а-ам! Ты мне не веришь? Вот, смотри, – и Сева вытащил из кармана шмыглю и положил её на стол.

– Шмы-ы-ыгля?! – взволнованно вскрикнула мать Севы, – Этого не может быть! Она утеряна 27 тысяч лет назад вместе с хранителем Шмы. Но...

– Я! Могу! Изменить! Мир! – закричал Сева, схватил шмыглю и выбежал на улицу.

По чёрной лужайке ползали огромные красные ядовитые черви и поедали органику. На сером небосводе сквозь чёрные кучевые облака тускло светили два красных блина.

От сероводорода резало глаза, над городом нависла злое-
щая тишина, нарушаемая лишь чавканьем червей, пожира-
ющих органику. Сева подбежал к забору, отвязал своего ко-
мара, влез в седло и взлетел. Из-за угла его дома на лужай-
ку вытекло аморфное нечто, стадо маленьких слонов на но-
гах-ходулях бросилось прочь.

– Сева, только не натвори бед и возвращайся в обед! –
вслед сыну крикнула мама и помахала платкомпасом.

Пони и мания

Сева сидел в кресле-качалке на террасе своего дома в Фигасе и кемарил. Съеденный завтрак был безумно вкусен. Сегодня ему подарили черепашку, и он ещё не определился с её именем. Дрёма ласкала сознание Севы, и понимание пришло постепенно...

В банальном сне о пони и мании, в котором им приснился сон про сновидения во сне Севы Даля из Фигася, в котором он не отождествлял себя с ними, её с ней, и его с самим собой, но был понятием крайне понятным и понятым черепахой.

Он спал, и погружение его в другие реальности было настолько стремительным и глубоким, и одновременно поверхностным, и непробудным, что даже эфемерная сомнамбула Морфея Петровича Кисляка не смела его трогать, она просто запуталась в сложно выстроенном лабиринте зеркальных поверхностей, отраженных в своих преломленных отражениях и меркантильных петлях Мёбиуса, и жалобно заскулила.

А споткнувшись о преграду непонимания, рассыпалась искрами по небосводу человеческих сновидений. Но пони и мания понимали, что сон Севы во сне явно не наяву, и, если долго стоять, то всё-таки придётся прийти.

И они пришли, пусть даже чуть позже, чем он ожидал, пусть даже в обличии пони и мании, а не желанного бутер-

брота и тарелки черепашьего супа.

«Э-э-э! – подумал Сева, взобравшись на самую высокую гору в странном мире плоских невысоких гор, – Я научился понимать? Я понимаю. Я всё понял! Всёпривсё!»

Но в ответ услышал он лишь охэ-наоборот тишины безжизненного плоскогорья далёкого необитаемого мира, в котором он неожиданно оказался из-за превышения интервала ожидания дрёмного события...

– Я понял! – громко подумал он в след ухэ-наоборот.

– И хуле? – отозвалось охэ-наоборот также по-доброму.

– Неожиданно! Но я-то тебя понимаю! А ты меня?

Сева стоял посреди ярко-голубой поляны, и кроваво-красный намут-наоборот ватными хлопьями пытался завалить его, прижав снизу к небу, а сверху к ухэ-наоборот, пытаясь таким образом привлечь его внимание к своей непорочно багровой седине. Черепаха зевнула и спрятала свою вселенную в прочном панцире мыслей.

Намут-наоборот выбросил рукава Персея и Центавра, и ватные хлопья выстроились в боевой порядок для реструктуризации ДНК Севы Даля. Пытаясь изменить восприятие, мысли, сущность, таким образом, чтобы не было рядом назойливого Чака Норриса, который в который раз пытался прорваться в реальность нереальным ударом с ноги вертушкой и похитить черепаху Севы, у которой было имя.

– Нет, – подумал намут-наоборот, – рано еще тебе, – и стал выпадать каплями на стекло купола изнутри.

– Понятно, – Сева настороженно подумал, как сквозь купол проступают пятна удара с ноги вертушкой, и посмотрел на черепаху иначе.

Оказавшись наизнанку, Сева опомнился. Вовремя. Ибо время наизнанку было не очень красивым, но точно такой же была и красота – временной, а это его не удовлетворяло.

Пони стоял рядом с плоскостью, время вычерчивало на ней круги, а изнанка противилась, пытаясь вернуться обратно в себя, в панцирь черепашьей мысли. Постепенно пони превращался в зебру, очерченную маниакально-концентрическими окружностями времени во всех множествах плоскостей изнанки. А черепаха незатейливо кивала тремя головами и ласково улыбалась Севе.

«Ты так ничего и не понял», – подумала первая голова черепахи.

«Ты так ничего и не увидел», – подумала вторая голова черепахи.

«Ты так ничего и не сделал... Но я всё равно попробую», – подумала третья голова черепахи.

И три мысли кристаллизовались на стекле купола изнутри, на который смотрел Сева снаружи. Смотрел внимательно, а пони и мания стояли рядом и кричали ему в оба уха странное имя – Матильда Мексикановна! Матильда Мексикановна!

– Матильда Мексикановна! – закричал Сева, вздрогнул и сел в кресле ровно, но оно продолжило свои синусоидаль-

ные колебания. Его тело была мелкая дрожь, и он с удивлением посмотрел на Матильду Мексикановну, – Ты?

Смотри не сорвись

Фаза изменённого состояния сознания (ИСС) в этот раз проходила на удивление удивительно. Звук переливался всеми цветами радуги, вырисовывая на зрительном нерве разноцветные импульсы, длительностью от 0,05 мкс до 0,1 секунды. Словно осциллограммы сложной формы, бежали лучи света, вырвавшись из очей. Из заключения мысли.

Человек возвращался в нормальное состояние сознания. Секундой позже, отчётливо представляя, что для Вселенной значит полученная сегодня информация, Сева загадочно улыбался. Подошёл к окну и влез на подоконник. Семьсот сорок третий этаж, утерянный в сотнях миллионов одинаково-зеркально-серых отражений.

– Это правда? – спросил Сева вслух.

– Абсолютно.

– И вы теперь мне предлагаете просто так с этим жить?!

– Нет.

– Не понял?! – удивлённо спросил Сева.

– Мы предлагаем тебе не жить с этим. Просто так.

– То есть вы меня убить хотите? Вы, полоумные гандоны?!

Это не реальность, – Сева оттолкнулся от подоконника и, распахнув руки, словно матёрый бейсджампер, устремился вниз.

Семьсот сорок второй этаж, семьсот сорок первый, семь-

сот сороковой, семисотый, пятисотый, трёхсотый, девяносто девятый, шестьдесят шестой («квартал шаурмы»), тридцать третий, третий, второй, первый, 0.0001, 0.0000000001...

От бейсеров Севу отличало отсутствие парашюта, но было и ещё одно принципиально важное отличие. Это изменённое состояние сознания (ИСС).

Сержант специального отдела расследований в изменённом состоянии сознания (СОРВИСС) открыл глаза и внимательно огляделся...

«Каждый сержант СОРВИСС по возвращении с задания должен сразу написать отчёт о проведённой работе» – гласил единственный пункт должностных обязанностей сержантов СОРВИСС. Но писать много сейчас не хотелось, и, чтобы не забыть самую суть, он написал в своём планшете: «Невозможность безошибочно измерить энергию квантовой системы и определить момент времени, в который она обладает этой энергией. Сева Даль из Фигася. Потоп на складе ума. Ищешь не сыщешь. Пятьсот семнадцатый, сто сорок третий», – и, перечитав, крепко уснул.

Сильно устаёшь на этой работе. Ответственность-то какая!

Квант взросления

Сева сидел на берегу и смотрел, как оранжевый овал солнца тонет в грязноватом покрывале любимого озера. Родной Фигась в такие моменты был великолепен. Ещё мгновение, и сумерки возьмут своё, а по серовато-синему небу россыпью пойдут белые искры, которые люди любят называть звёздами. Но он-то знает, что это такое на самом деле...

Рядом на песчаном берегу ползала странная черепашка, подаренная Севе кем-то в день рождения и названная Матильдой Мексикановной. Матильда знала очень многое и ползала по круговой орбите, ибо всё во Вселенной движется по кругу либо по спирали... Но она ползала по кругу не по своей прихоти, а потому, что Сева воткнул в песок прутик и к нему привязал поводок Матильды.

Точно так же Сева ощущал на себе аркан жизненного пути, который закручивается всё больше и больше. И вроде бы взрослый он уже, возможностей стало больше, а спираль всё сужается, круги на воде сходятся, млечный путь закружил свои рукава, а Матильда всё это видит и про себя напевает незатейливую песню:

*Забирай меня скорей, уходи да побыстрей,
Не беси, прошу, меня! Восемнадцать же тебе.
Забирай себя меня. Ухожу я, кто быстрее?*

Поцелуй меня в песок, я твой потайной глазок.

*Ты сегодня взрослее станешь,
На учёбу гандон натянешь,
Соберёшь все свои манатки,
Ну и про меня не забывай, ведь я твоя...
Знаю, ты меня не забудешь
И сегодня опять накуришь.
Ну, и сам можешь ты надуться,
Только не забудь, что день рожденья у тебя!*

*Отвяжи меня скорей, дай уйду да побыстрей!
Не беси, прошу, меня! Восемнадцать же тебе.
Голова твоя – моя. Всё, пойду, наверно, я?!
Всё ушла, а ты сидишь, словно покурил гашиш...*

*А когда залипать устанешь,
Эту песню ты загорланишь,
Веселиться твоё сознание
Будет с ночи до утра, пам-парам-парам-пара!
Все ушли, я с тобой осталась,
Не смогла убежать, верёвка не развязалась,
Ведь сегодня ты стал взрослее,
Узел крепко завязал, лучше б дуть ты завязал...*

*Забирай, отвяжись...
Пам-парам, живопись...
Отвяжись, забери...
На себя посмотри...*

Хитом, конечно, этой песне не суждено было стать, но Сева её услышал и даже маленько пустил слезу.

– Сука ты, Матильда! Ведь умеешь, когда выхода нет и скручивает?!

«Поживи с моё, посмотрим, что сам запоёшь, Севанька...» – подумала в ответ уставшая черепашка, но Сева её понял.

Овал солнца утонул в грязной глади озера, а небо осыпало себя белыми искрящимися точками, которые люди называли звёздами. Сева-то знал, что это такое на самом деле. Он ещё долго сидел на берегу, смотрел внутрь себя, слушал мир снаружи и чувствовал, что взрослая жизнь подкралась и неумолимо стоит... Рядом ползала Матильда Мексикановна.

Курьеры

– Да расслабься ты! Что скукожился? Боишься меня, что ли? Или гвоздь из стула торчит?

– Не-е-е. Ни паюсь. У тебя тома красивые вещ. Картин. Статуйка. Китар. Люстор таже ест. Меня не привик к такой вещме, – сидящий на стуле парень-таджик, обводил взглядом предметы вокруг, не двигая головой.

– Так, говоришь, из Фигася приехал? – Сева суетливо бегал около подоконника, поливая странные кусты, искоса бросая взгляд на азиата, который сидел уже пять минут в странной, по мнению Севы, позе.

– Та-а. Ис Фикася приехалъ. Та-а! – кепи, на два размера больше, чем голова, часто съезжала на глаза, и парень смущенно, неуклюже поправлял её рукой, не отводя глаз от заметной только ему одной точки в подпространстве пространства комнаты Севы.

– Что там нового, в деревушке той? Я уже четыре года не был там. Пикассина случайно не знаешь? Не уехал он ещё? – управившись с поливом растений, Сева начал крутить самокрутки, насыпая из кисета в папиросную бумагу фиолетовый табак.

– Не-е-е. Пикасяна не знай. Новая завог напастроиле. И многие фирмеле. Бизнесу телать будут, – кепка в очередной раз съехала на глаза, парень снял её с головы, маленько

помял и снова надел. Из кармана рубахи выглядывала пластмассовая расческа и обложка паспорта.

– Понятно, на, держи, – Сева протянул азиату самокрутку и спички. – Так, что ты говоришь за дело у тебя? Твои хлопчики за дверью стоят, может, их пригласить в комнату?

– Нената, пасибе, – кивнул гость Севы. Взял протянутую самокрутку и спички. Затянувшись, сильно закашлялся, а за дверью послышалась возня и настороженный гам. Потом в дверь тихонько постучали.

– Бельгере мелепе. Пештельме бихтерма! Затыкнитея пестес! – громко крикнул парень, прокашлявшись.

– Мдя, – хихикнул Сева, выпуская кольцо дыма. – Так что же тебя ко мне привело, друг мой?

– «Калифорний морской лэпэтэ» послать меня и мая напаркина запирать закаса. И закасывать твоя. Ми куильлери.

– Курьеры?

– Та! Куильлери.

– Киллеры?!

– Та! – вытаскивая из нагрудного кармана что-то, похожее на нож, азиат попытался встать со стула, но...

– Какого черта?! – заорав во всю глотку, Сева подбежал к стулу, на котором сидел азиат, схватил гитару, стоявшую рядом, и со всего размаха ударил его по голове. Посыпались искры.

Опомнившись, Сева поставил лейку на подоконник и повернулся к парню, сидевшему все это время на стуле

и не сводившему глаз от заметной только ему точки. Сева что-то хотел было сказать ему, но уже забыл, а про себя подумал: «Конечно же, курьеры! Кто же еще?»

Я стал девочкой

– Я клянусь тебе, это была кожа! Настоящая! Или ты думаешь, что я дермантин от кожи не отличаю?! – Сева шептал громко, озираясь по сторонам.

– Да кто тебе поверит? Ты, Севанька, на себя со стороны посмотри, это же уму непостижимо! Как полудурок! Зачем залез на гладильну доску-то? Зачем грелку к галаве приматал? А хде штаны твои? Я уже про труселя не спрашиваю... Э-э-эх! – соседка Зоя Мескалиновна сидела в кресле-качалке и потягивала через трубочку из бокала абсент.

– Ты-ы-ы-ы! Мне-е-е-е! Не веришь?! – попытался заорать Сева, но у него получилось лишь громкое шипение.

– Наверной, нет. У моря нет кожи, Сева. Это любой первоклассник знает. Да и Джульбарс мой не может дышать под водой, – соседка начала раскачиваться взад-вперед и медленно мотылять головой из стороны в сторону...

Было похоже, что старушка входит в транс. Вдруг она резко вскочила из кресла и заорала:

– Ты куда, скатина костяная, прёшь? Молоко не тронь, падла! Джулик еще не кушал!

Мескалиновна проковыляла к двери, нагнулась, и кряхтя подняла с пола ползущую на кухню черепашку Матильду, Севину любимицу.

– А еще я спрятал море в раковину. Она у меня вот, с со-

бой, – и Сева протянул руку, в которой он сжимал обычную морскую раковину Рапаны.

Но ему никто не ответил, потому что баба Зоя уже была на кухне. Она стояла на четвереньках и лакала молоко из блюдца Джульбарса, своего несуществующего пса.

– Когда мне было шесть лет, я стал девочкой... Стал... а кожа была гладкой... Как гладь моря... – и Сева уснул.

Давид Баблищев

Сегодня у Севы праздник, к нему в гости приехал его дружбанище – Пикассин. Они не виделись 4 года. И не увиделись бы еще лет 7, если бы не...

Если бы не договорились о встрече телепатически. Ментально коснулись друг друга на расстоянии 350 километров, встретились в чилауте одного из ночных клубов Бытия. И там, за очередной порцией головоломок и ребусов, договорились.

А на следующий день к нему в гости заявился он. Товарищ, амиго, камрад, братэлло, чувачелло, мэн, бро, реальный пацаняга, сууукаяпотебесоскучался, дайденегкуда пошёл? и... Короче, это был он – Пикассин.

И так как они не виделись достаточно долго, они вдоволь оттопыривались, угарали, тащились, кайфовали, ели, пили, курили, спатьнехотели, аестьещечё?, этожекредитка?, можетэтогрибы?, агдетутвыход?, откройтеполициякричат и делали разные глупые вещи, пока не кончился денежный эквивалент бабла (ДЭБ, в Фигасе эта валюта была самая стабильная и почётная).

– Чё делать будем, Сева? – задумчиво сидя на подоконнике и свесив ноги вниз, спросил Пикассин Пашка.

– Пафнутий, едрить тебя за нагую плоть! Ты зачем мою кредитку трогал? Я на 3 куска влетел, – Сева сидел на сосед-

нем окне, также свесив ноги вниз и смотрел вдаль, на индустриально-урбанистический пейзаж рядового заката Солнца.

Оба тяжело вздохнули.

– Надо чё-то сделать и продать! – немного вдохновившись пришедшей мыслью, радостно произнес Пикассин.

– Ага, давай, бля, слепим огромный куб из пластилина и назовём его «Шар радости»! Или из глины с соломой слепим Шар, в печи его запечём и назовём «Три тонны удовольствия вне», – Даль явно не любил заниматься лепкой и слабо иронизировал.

– Нет, я тебе реально предлагаю чёнить замутить, по типу РЕАЛЬНОЕЕЕ! А потом слить за реальное бабло, и всё будет красиво, чики-пуки, как ясным летним днём, на голубом небе остались клочки белой разорванной пелены облаков, а ты стоишь посередине моста, который соединяет все стороны света, Запад и Восток, и мятный Холодок, и думаешь: «Чё бы сейчас реального надыбать или замутить, чё бы красиво-красиво появилось бабло?», – Паша очень хотел, чтобы бабло появилось. И оно появилось.

Точнее, появился какой-то чудак на тротуаре. Под окнами, с которых свисали ноги Севы и Паши, и уставился вверх. Буквально на уровне его глаз находились их ноги.

– Ну, и как? – спросил чудак, прислушиваясь к разговору, доносившемуся из окон на первом этаже.

Сева удивился, а Паша радостно заорал:

– Бабли-и-и-ище-е-е-ев! Это ты?!

– Конечно я! Кто ещё остановится рядом с придурками, которые сидят, почти касаясь земли, свесив ноги из окон первого этажа? – выдал Баблищев.

– Расслабься! Ты вот нам лучше бабла достань! – Паша не сомневался в возможностях Баблищева, поэтому срочно придумал что-нибудь ему впарить. Реальное, но красивое. Потому что Баблищев был необычайного склада ума человек, коллекционер современного искусства.

– Ну, как это достань?! Откуда? С неба что ли? Или из дома вам принести? На блюде с нефритовой каймой, стробоскопически мигающей галогеновой лампой, и еще косячок прикурить? Вы вот что – замутите чёнить реальное, по типу ваше реальное и крутое! А потом слейте за много денег, и всё будет красиво, как ясным летним днем, на голубом небе остались клочки белой разорванной пелены облаков, когда ты стоишь посередине моста, который соединяет все стороны света, Запад и Восток, и мятный Холодок...

– ПЛАГИ-И-ИА-А-АТИ-И-ИШЬ! – заорал Паша, а Сева сказал, что Баблищев чмо и «пошёл Бабщилев в жопу».

Давид Баблищев ушел, а парни продолжали думать.

– Сева...

– А?

– Давай делать пойдем!

– Что делать?

– Ну как что?! Бабло.

– А-а-а-а... – и, вздохнув, Сева влез обратно в комнату и закрыл окно.

Прошло время. Часов пять. Или один.

– Круто? Ваще-е-е! – Паша был рад такому ходу мысли Севы.

– «Венера Милосская» назовём, – гордо произнёс Сева и наигранно поднял голову, и вытянул подбородок влево вверх, и у него свело шею.

– С ящиками!

– И ПРО-ДА-ДИ-И-ИМ! – хором заорали они и покатались со смеху, а также лепить, делать ящики и продавать...

И слепили, и сделали ящики, и продали. Давиду Баблищеву за бабло, за много бабла. А потом снова оттопыривались, угарали, тащились, кайфовали, ели, пили, курили, спатьнехотели, аестьещечё?, баблзаканчивается, можетэтогрибы?, агдетутвыход?, откройтеполи-циякричат и делали разные глупые вещи, пока не кончился денежный эквивалент бабла (ДЭБ, в Фигасе эта валюта была самая стабильная и почётная).

А еще у Севы сегодня был праздник! К нему в гости приехал его дружбанище, ну, вы уже знаете...

Брат

Сева, укутавшись в теплый клетчатый плед, сидел в углу комнаты и тихо жалобно скулил. Шёл третий час эмпирического антибактериального скуления.

– Да ну тебя... нытик! Вообще больше тебе ничего не скажу. – Сева в тоге, сделанной из тёплого клетчатого пледа, стоял посреди комнаты и смотрел на человека, укутавшегося в тёплый клетчатый плед и сидевшего в углу.

– И вообще, подвинься! Или дай я посижу, а то хитрожопый ты очень! Занял единственный угол в комнате и сидишь скулишь.

Он подошел к сидящему человеку, тот встал. Сева присел в угол, а человек отошёл к середине комнаты, остановился и, резко повернувшись, понял, что сидит в углу, а напротив него стоит он сам. То есть Сева. Сева Даль из Фигася.

– Нифига себе! – подумал Сева, а мысль плавно поплыла к центру комнаты и там материализовалась.

– Не-е-ет! Пойди прочь! Никуда я отсюда не сдвинусь. – Он еще больше забился в угол и подвернул плед под себя, чтобы тень от материализовавшейся мысли, ползущая по полу, случайно не пробралась под плед и не укусила его в нижнюю чакру. Или чего пуще – не стала петь негативную мантру под пледом.

– Господин-хозяин, а где бы мне найти попить чего-ни-

будь? – спросила Матильда Мексикановна, домашняя черепашка Сева, которая всё это время находилась на подоконнике среди кактусов и странных кустов, иногда поливаемых хозяином квартиры.

– Где-где, нигде-негде! Ты себя не контролируешь, животное! Не начинай снова и смотри в оба, ты на посту! – заорал Сева, а потом снова заскулил.

Матильда поняла, что это надолго, втянула лапы и голову в панцирь, немного оттолкнулась и камнем рухнула на пол.

– Хряпсь...

– Нет! Только не подходите ближе, злые ненасытные хряпсики! Я буду скулить антибактериально! – Даль укутался в плед с головой и стал скулить пуще прежнего Даля, который стоял перед ним в тоге из тёплого клетчатого пледа и хотел прогнать из самого себя самого его.

– Когда ты уже за ум возьмёшься, господин-хозяин? – Матильда приземлилась очень удачно, на макет «какого-то чего-то», над которым последнее время прыгал и скакал Сева. Точнее, последние две недели. Ведь именно тогда, две недели назад, Сева посадил Матильду на подоконник и непонятное вещество, а сам приступил к работе.

Со временем про Матю забыл. Потом забыл про работу и про макет «какого-то чего-то». И про себя забыл. А иногда вспоминал какого-то или себя самого, скулил, и мысль летела на середину комнаты, у которой был всего один угол, и превращалась там в материю.

– Когда возьмёшься за ум? А?!

– А-а-а-а-а-а-а-а-а-а! – заорал из-под пледа Сева.

А Матильда, удачно перевернувшись с панциря на лапки, ползла в поисках чего-нибудь попить и молчала. Потому что черепахи, даже такие мудрые, как Матильда Мексикановна, не умеют разговаривать.

В центре комнаты с одним углом все материализовавшиеся мысли Севы и все злые хряпски Матильды Мексикановны вступили в бой за вселенский разум.

На повозках с поля боя увозили раненых, и стройными рядами прибывало подкрепление. Укрепления строили из погибшей протоплазмы. Основания были делать основательно! Всё вокруг было окрашено в грязные коричнево-красные тона, переходящие в тонкие нити абсурда и лужи агонии. И когда опоры мозга рухнули, и крепления сознания отреклись от «Я», явился он.

Покойный брат.

Юнайтед хот бичез

*Ярко-алое солнце зашло в ватно-мягкое небо,
Белый паруса лист, отражаемый водами бренными,
Гладит кожу её прохладными струями ветра.
Я глазами бесстыжими робко, но смело, таинственно...
Опускаю свой взор. Углубляюсь в изгибы любви.
А потом поднимаюсь тихонько, чуть медленней,
Понимаю, что это – всего лишь чужие немые мечты.
Ты меня
НЕ!
ЗА!
ГИПНО!
ТИЗИРУЕШЬ!
Никогда!
Слышишь?!
Ведьма, уйди!
Прогони её птица! Сорока ли?
Иль вином ядовитым её отрави!
Искуси её змеюшка плодом запретным!
Заберите пришельцы в другие миры...
Помогите мне, боги, пройти незаметно,
Мимо боли её безответной любви.*

Сева лежал на диване, раскинув в стороны руки, и читал вслух свой осенний мыслестих. Рядом беззаботно лежала,

вытянув голову и лапы, Матильда Мексикановна. А Просто сидел на балконе и был в такт стихам Севы.

Осень кружила в порывах танго последние, уже высохшие жёлтые листья с красными прожилками, красными, как лопнувшие капилляры Будды. Листья, падая на землю со страхом, последний раз смотрели в небо и видели хмурое лицо зимы и её стражей.

А потом касались земли, которая говорила каждому листику ласковые слова, пытаюсь успокоить его и расположить к себе. Листья парили в такт стихам Севы, а Просто всё это видел и в унисон читал свой рэп. Душевно. Он умел это делать.

– Торчиш, подонак?! – слова влетели в открытую настежь дверь квартиры, а потом в неё вбежала запыхавшаяся баба Зоя, соседка Севы.

– А-а-а-а! Чертя-я-яки! Все, как один, дома. Задумали чтойто? Опен виндов нахрен эйр чтоль затеяли? Просто, ты воиш, как сучка якаято! Бабки все ва дваре мне жалуваются. Мол, подонок твой сасед последний, и пёс его дегенерат. Покой, мол, нарушает общественны. Антисоциальны сегмент в тебе узрели! – баба Зоя плюхнулась в кресло-качалку, она себе и Севе покупала одинаковые, на распродаже в магазине, взяла с журнального столика откупоренную бутылку ксинты и присосалась к горлу...

После трех глотков громко рыгнула и вслух пожалела, что нет с собой зажигалки.

– А то я показала бы вам то, что мой «голивуцкий любимчик» даже жопой не сделает.

Но шутка не понравилась ни Севе, ни Просто, который отвернулся от бабки, ни Матильде Мексикановне – черепахе, которая втянула голову в панцирь.

– О-о-о-о-о! Да ты милочка никак втюрился? – Зоя Мескалиновна Пейот была тонким психологом и потомственной неясновидящей, а по картине, стоящей на мольберте, всё поняла. – Так это мы вмих организуем, – она вытащила из кармана своих Levi's Antiform Nokia 888.

– Тялефон, званиТЬ! – сказала она чётко, громко, как в инструкции было написано.

Звонить, как перезвон колоколов

В вечерних сумерках заката старо-молодого.

Любить, как будто настоящая любовь

Вдруг начинается, и жить уж не охота снова.

Сева не обращал внимания на бабу Зою и продолжал мыслестих на тему осени, любви, мира, природы, людей, животных, насекомых-политиков, политических отношений, относительной утопической теории, теоретической обоснованности религии, религиозном взгляде на внеземные цивилизации, трудах Стивена Хоккинга.

И, конечно же, о любви...

– Тялефон, миню! Справачник! Блядушкина контора!

Вызвать! Едрить её в туды-растуды!

– Последняя команда не опознана! Запомнить её и внести более подробное описание? – уточнил телефон, в очередной раз осознавая, что люди – очень сложные устройства со сбитой микропрограммой.

– Пшолнахер! – рывкнула Зоя Мескалиновна и нацепила телефон на предплечье левой руки, как браслет, как и было в инструкции написано.

– Простите, госпожа! Я не хотел вас раздосадовать своим глупым изречением! – произнёс телефон, следуя введённой программе, а сам подумал, что назло старой бабке отправит с её лицевого счета определённую сумму на счёт корпорации «Вселенское Устранение Людей Как Агрессивной Наноструктуры». Сокращенно – ВУЛКАН, игровые томаты.

– То-то! И впредь – цыц мне! – довольно улыбнулась баба Зоя.

– «Юнайтед хот бичез», оператор «сучка1339», добрый день, госпожа Пейот! – поприветствовал приятный робо-голос из телефона.

А Сева хитро улыбнулся и грустным голосом продолжил мыслестих:

*Влюблённый интерцептор, как рецептор,
Вмонтирован, настроен и невидим для людей.
Сигналов электрически-обыкновенных
Он перехват ведёт и вызвал он блядей.*

Просто вздохнул, свернулся в клубок и лёг на балконе, наблюдая за концом лиственного танго и началом снежного вальса. Краем уха, погружаясь в свои сны, он слышал, как соседка ведёт отчаянный спор с телефонным ботом, но сны уже пришли к нему, и Просто уснул. Матильда уползла в ноги Севы и тоже уснула. Она сегодня слышала прекрасные слова, и ей нравилось, что у неё есть такой интересный питомец. А Сева думал. О ней. Единственной.

Ход и бой

Сева молчал. На его лице застыла высшей степени сосредоточенность и концентрация. Проект сулил неплохую прибыль и желал строгого соблюдения стандартов и требований нормативных документов. Настенные часы, обычно тикающие в такт жизни Севы, остановились. Энергетика, излучаемая великим креативщиком из Фигася, остановила маятник времени. Он заметил это, но про себя подумал, что это к лучшему. Пусть время пока постоит.

Пока он работает.

Матильда Мексикановна, подружка Севы, молча лежала в углу комнаты, вытянув лапы в разные стороны. Она поняла, что всё-таки ему это удалось. И это хорошо. Так как скоро он научится поворачивать его в обратную сторону. Всё изменится. И ещё.

Она никогда в нём не сомневалась!

На журнальном столике рядом с мольбертом лежал очередной номер «Journal d'un genie». Заголовок статьи, на которой был открыт журнал, гласил: «Авангард концептуальной рекламы». Автор статьи пытался в нескольких словах изложить суть чего-то нового и пока ещё не понятного большинству.

С недавних пор Сева начал пробовать себя в качестве журналиста. И сразу же его работы стали публи-

ковать несколько современных тематических журналов: «AdVertum», «Journal d'un genie» и «Stuff».

«Для победы важен мундир. В своей жизни я лишь в редких случаях опускаюсь до штатского. Обычно я одет в мундир Севы Даля, креативщика из Фигася. Сегодня я принял одного несколько перезрелого юношу, который умолял снабдить его советами, прежде чем он предпримет путешествие в Америку. Все это показалось мне весьма интересным...»

Маятник часов не сдвинулся ни на миллиметр. Время стояло. Сева контролировал ситуацию. В комнату медленно и размеренно вплыл силуэт бабы Зои, соседки.

– Сева, сука! Тыжеж гавнюк эдакий! В такую тебя растакую! – силуэт Мескалиновны начал принимать очертания после того, как Сева сконцентрировал взгляд и внимание на этом ворвавшемся в его мягковатную реальность объекте.

– Чо луписься? Опять в полном неадеквате?! Сколько сейчас времени? На часы смотрел? – баба Зоя сама посмотрела на часы и поняла, что они стоят. И Сева тоже стоит. Уже минуту неподвижно стоит и смотрит на неё.

Черепеха Матильда тоже смотрела на происходящее с недо-умением и большим удивлением. Как Зоя Мескалиновна Пейот смогла ворваться в остановившееся время? Почему сама Матильда не догадывалась о том, что, кроме неё и Севы, ещё кто-то может управлять временем?

– Ты, Сева, в последня время очень часто меня пугаишь. Я тебе утром поисть принесла, супчику моего фирминаво с хлебом, а ты чо? Гнида! Зачем из тарелки с супом сделал палитру?

Зоя Пейот подошла к часам, открыла дверцу, повернула несколько раз ключ взвода, подтолкнула маятник, и нависшую в комнате тишину нарушил равномерный ход. Ход. Затем бой. Ход времени и бой против энтропии.

Время пошло. Ровно, чётко, неумолимо. Тик, а потом так. Матильда втянула лапы и голову в панцирь, ибо она была опечалена бесцельным ходом времени и обескуражена проделками старой бабки. Сева тоже не мог понять, зачем Зоя ускорила время и почему убрала со стола макет, с которого он творил очередной проект.

За окном светало.

Ви́ла Бертра́н

Сева пристально смотрел вдаль и грустно вздыхал. Космопорт Бертран находился в глубине сине-голубого леса, на берегу прозрачно-серого озера с ласковым названием Лабертран, в котором сине-голубыми разводами и оранжево-коричневыми пятнами он и отражался.

Эта планета была одной из многих миллиардов жидких планет с различными видами живых и полуживых существ, которых называли траны, раны и аны. На таких планетах Сева Даль из Фигася в послед-нее время бывал очень часто. Везение, подумаете вы? Ничего подобного. Эти эксперименты были очень опасны.

Азотная атмосфера этой планеты придавала всем растениям и живым организмам оттенки от тёмно-синего до светло-голубого цвета. Изредка попадались бурые и коричневые камни. А чёрные пятна ракетных корпусов, гордо возвышающиеся над просторами планеты, грозным ястребиным взглядом смотрели в фиолетово-бурое небо. Радостный и ярко-кричащий вид планеты не веселил Севу. Было всё так же грустно. Или ещё грустнее.

Висящие в воздухе пятнышки серого цвета изредка перемещались то вправо, то немного левее.

«Птицы, – подумал Сева. – Или мухи...»

Но это были всего лишь листья, просыпающиеся после

длительного сна. Они зевали и, пытаясь стряхнуть остатки сна, медленно перемещались то вправо, то немного левее в надежде кого-нибудь поймать и съесть.

Даль смотрел вдаль, но по-прежнему было тоскливо и неуютно, даже немного подташнивало. Грустью взятый в плен, он думал о том, что не может прямо сейчас, в миг желания, увидеть любимые просторы родной страны, родного штата, дистрикта и деревни. Родных и близких тварей: черепашку Матильду и собаку Просто. И не родную, но близкую тварь – Зойку Пейот. Не может увидеть, потому что улетел. Напрочь. И опять становилось грустно, щемило в груди, и он вздыхал. Вздыхал. Вздыхал. Опять тошнило.

Энергетический батут и шпили посадочных площадок космопорта возвышались над поверхностью планеты на десятки километров и издали напоминали огромного белого паука с коричневыми лапами. Он будто пробирался сквозь чащу навстречу к Севе. А того тошнит пуще прежнего, и спазмы уже начинаются.

Дрожь пробежала по коже холодной нервной волной, капли сине-ледяного пота выступили на лице. И Сева вовремя вспомнил, что на открытом воздухе нельзя долго находиться без скафандра, а то посинеешь.

– Я всегда видел то, чего другие не видели; а того, что видели другие, я не видел, – сказал он планете Вила Бертран, надел шлемофон на голову и двинулся в направлении космопорта.

Потому что эксперимент прошёл успешно, и пора было возвращаться домой, к тем тварям, за которых он в ответе. А ещё ему утром на работу.

Родина

– Вот, послушай, Зоя... Ты когда-нибудь думала, что мы вот так жить-то будем? – Сева Даль грустно вздохнул и обвёл рукой вокруг. Затем подошёл к окну и посмотрел в небо.

Оно было светло-голубое с рябью тоски и молча, как хмурый чекист, следило за неравномерным течением жизни Севы Даля, креативщика из Фигася, и равномерным течением жизни Зои Меска-линовны Пейот, потомственной неясновидящей соседки.

– А шо, Севанька? Али плоха живём? – Зоя, приятнейшая бабуля и «соседка дней моих суровых» (так Сева называл её, потому что это было так), ходила вдоль стены и рассматривала наброски и эскизы проектов, созданные в своё время Далем, соседом и «главным штрейбрехером Амстера» (а так она называла его за способность поддержать беседу на любую тему, в любом состоянии и в любое время).

– Вокруг природа какая! Загляденье просто некуда!

– Ну как ты не можешь понять, Зоя? Природа – это всего лишь картинки, отголоски бытия, спроецированные нашим мозгом на твёрдую основу коры головного мозга и воспроизведённые посредством материи, они ничего не значат! Ты посмотри, ЧТО ВОКРУГ нас происходит! – Даль, накрываемый волнами мрачных мыслей, внимательно рассматривал свои ладони. Ему было интересно, что же всё-таки уви-

дела вчера в его ладонях цыганка? И почему она, испугавшись, попятилась назад, спотыкнулась о поребрик и, навзничь упав, зашиблась?

– Этот мир, это государство, эта власть, что это?! Куда всё катится? Или тебе безразлична назревающая революционно-кризисная ситуация?! – Сева вернулся к основной теме, всё-таки жизненной для него здесь и сейчас. И вопросительно уставился на Мескалиновну.

– Нетжешь, касатик мой! Ты не подумай, что малодушна я к проблемам людским. Меня оч волнуют социальныя неурядицы, которыя наблюдаются повсемесна, и в городе, и на деревне. И у тебя вон тоже проблемы кой-какие есть. Оч волнуют! А этот рост цен на подсолнешное масло хотя бы! Ну куда это годится так? – Зоя решила ретироваться и вступила в полемику со своей четкой линией, продовольственно-умиротворяющей. А иначе он ей вынесет мозг.

– Да ты по мелочам-то не разменивайся, думай глобальнее! Почему инвестиции основных социальных проджектов увеличивают, а на внутреннем рынке страны контроля за происходящим нет? Инфляция?! Почему мы должны слушать забугорные упрёки и равняться на них, прозябая в говнище? Ты знаешь, что такое дефолт, Зоя? – Сева был на взводе и уже готов был взорваться.

– ДЕ хто? – Мескалиновна сделала вид, что не расслышала последнее слово, хотя прекрасно всё понимала. – Ты, Сева, лажися в постель, укрывайся потеплей. Я тебе горяченького

чайку налью и принесу. Тебе соснуть надо, а то третьи сутки как на нервах и ногах исходишь, – она очень любила этого милого юношу, который неоднократно спасал её Джульбарса, несуществующего пса, от чудищ, выходящих из пучин океана; и очень сильно переживала все проблемы вместе с Севой.

«Ипотека – сложный и завуалированный чётко отработанный механизм отбора средств у малоимущих слоёв населения с целью получения выгоды малой группой людей, стоящих у власти», – подумала Зоя, но не произнесла этого вслух. Она понимала, что такое может случиться с любым человеком, и это очень трудно пережить. И изо всех сил старалась уберечь Севу от нервного срыва и психиатрической клиники.

Поэтому в чай Зоя добавила сильное снотворное, хорошее снотворное и правильное. Приготовленное по рецепту своей бабушки, из алтайских полевых трав и мексиканских кактусов, да грибов. Говорят, что это снотворное на время делает людей невидимыми, как мускатный орех.

Покрывало, сорванное порывом морского ветра, упало к ногам Зои Пейот, которая, сладко посапывая, сидела в кресле рядом с кроватью и чмокала во сне. Ей снилась былая молодость и её несбывшиеся мечты, которые начинали всё чаще сбываться. И всё чаще в её снах. Из которых она всё чаще не хотела возвращаться.

Сева лежал на кровати в полной отключке. И только ко-

лонна, стоявшая на песчаном пляже, украшала мнимую комнату Севы и напоминала нам о прекрасном будущем далёкого прошлого его забвения...

Великолепнейшей красы рубин, редкий и, возможно, единственный в мире, или даже во Вселенной, украшал колонну, и его сияние служило маяком кораблям, входящим в гавань спокойствия этого безмятежного времени. Времени дефолта, ипотеки, инфляции и чиновъего беспредела.

Лебеди в слонах

Всё хорошо. Равновесие души и физическое здоровье своей физиологической оболочки ощущал Сева, и радостно ему было от этого. Хорошо было.

Жизнь наконец-то вошла в нужное русло. Это состояние не часто встретишь в наше сумбурное и трансцендентальное время. Когда всё хорошо. И добро. И красота.

Синусоида биоритмов настроения была в точке, которая находилась выше крайней точки «синусоиды биоритмов настроения» по оси Y. Она зашкаливала. Да, это уже была не та синусоида, которую мы знаем. Она была промодулирована позитивом. Она стала прямой линией. Неимоверной силы счастье овладело Севой Далем. Не существовало более чёрного, только белый. Не существовало более горького, только сладкое. Не существовало более боли, лишь только счастье. Мир вздохнул полной грудью, потому что не существовало более зимы, лишь только ласковое и разноцветное лето! Ночь отступила перед днём, и торжество разума взяло верх над ничтожеством дикого и первобытного. Развитие победило застой. Великолепие красоты пронизывало всё: от клетки древесного гриба муэр до последнего нейрона в мозгу Севы. Надеюсь, и в вашем тоже только хорошие перемены?

Приятно было смотреть на постоянно заходящую луну и восходящее солнце, которые одновременно висели

на небосводе ощущений. Нет ничего более приятного, чем осознавать, что всё у тебя в жизни просто замечательно и охренительно. Вот попробуйте сейчас вспомнить последний хороший, радостный, счастливый, пропитанный позитивной энергетикой этап вашей жизни, попробуйте оглянуться назад и понять, что у вас всё хо-ро-шо.

Вроде бы вы живёте. И нормально, и даже прогрессируете.

Развитие? Постоянное развитие! Нельзя останавливаться, иначе вас постигнет и загнубит стагнация, порождённая ленью. Вы понимаете, что действительно хорошо, потому что можно так жить. В развитии и позитиве. Постоянно что-то новое, радостное. Вот только этап этот у каждого человека разный по продолжительности. У кого-то день, у кого-то неделя, а для кого-то месяц или год, или же просто – миг.

Подумайте только. Миг. Мгновение счастья. Ощущение силы, проходящей сквозь вас, словно вы стоите на вершине Эвереста, покорив природу, и питаетесь её энергетикой. Вселенской. Вы чувствуете это. И этот миг запоминается каждым из вас на всю жизнь. Или ещё лучше и сильнее, что я слова такие не найду для описания, вот такой ваш миг счастья и силы духа! Ну, что же я парю вас? Вы сами знаете!

Попробуйте в трудные минуты вспоминать этот миг. Ничего нового. Мобилизуйтесь. Вспоминайте радость, счастье, умиротворение, спокойствие, гармонию. Улыбайтесь, хотя бы про себя. И тогда лебеди, отражённые в слонах, расскажут вам о тех чувствах и эмоциях, которые испытывал Сева

Даль из Фигася. Расскажут о положительной фазе синусоиды биоритмов настроения, которая называется счастье и которой можно управлять, таким образом превращая её в ровную, спокойную, мирную, ласковую и добрую линию вашей жизни.

Поверьте, работает. Добра вам! И если вы сегодня ещё ни разу не улыбнулись, то «фу!» на вас! Сева сказал.

И такое случается

Тюбики с краской и уже выдавленные трупики тюбиков; карандаши, острые, разноцветные и сломанные, простые, разной твёрдости; стружка от карандашей; всклокоченные судьбой кисти; сломанный мольберт, ножки которого торчали из вскрытого нутра кровати; ножницы, торчащие из потолка; лужа канцелярского клея в одном углу и клея ПВА в другом; обрывки и обрезки газет и журналов; разорванные на малюсенькие клочки письма; разрезанные на мелкие кусочки фотографии – всё это посреди комнаты, в которой жил Сева Даль, увидел в одночасье Павел Пикассин, его друг, когда пришёл в гости.

Дверь в квартиру Севы была открыта нараспашку, и сквозняк местных подъездов прописался там с полной серьёзностью и необузданным желанием к жизни. Вихри из бумажных обрезков, носимые сквозняком взад и вперёд, а также скрипящая дверь символизировали очередной этап в жизни великого креативщика из Фигася.

Всё увиденное Павлом Пикассиным, дружбаником Севы, могло значить только одно – Севы дома нет.

Или он безмятежно спит на одной из планет далёких галактик. Иногда его уносило, но он говорил, что всё-таки «улетал» туда сам.

У распахнутого окна, прислонившись к батарее системы

отопления, стояло нечто квадратное. Обрывки мыслей, обрывки сюжетов, обрывки слов и эмоций, обрывки из жизни – обрывочно и сумбурно кричали нам о произошедшем здесь.

Надпись красной краской, сползающая из-под потолка по одной стене, судорожно ползла по полу комнаты и карабкалась под потолок на вторую стену. Она кричала во всю глотку, о том, что у Севы что-то НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ.

Стафф

Лучи послеобеденного солнца били своими махонькими кулачками в лицо обычного до необычности молодого человека. Наверно, все поняли уже, что этим молодым человеком был Сева Даль из Фигася?

Он заворочался на кровати и издал нечленораздельный стон о члене и ещё каких-то членах и их членах, преследовавших его все выходные и воспрепятствовавших ему в нормальном человеческом отдыхе. Можно же хоть разок в жизни отдохнуть на выходных?

Ан-нет! Не получается у него...

С трудом открыв один глаз, он увидел мутное и яркое пятно, которое постепенно рассеялось, и взгляд сфокусировался на мусорном баке с надписью «ЖРЭУ-13. Защита от случайных половых связей!», стоящем посреди его комнаты и дико воняющем.

Обоняние Севы посылало команды об опасности в головной мозг с большой задержкой. Сева понял это позднее. «Мусорный бак дома – это к чему?» – подумал он.

– А кто ко мне вчера приходил? – сильно осипшим и пересохшим голосом прошипел юноша. Наверно, его вопрос был адресован ей.

Но она вопрос этот проигнорировала в лучших традициях черепах с острова Суматра. Потому что её прапрабабка

в свою молодость имела контакт с принцем острова Суматра и снесла от него много яиц. Несколько из них попало на материк благодаря одному странному человеку, коему Сева Даль являлся праправнуком.

И как вы прикажете реагировать потомственной принцессе Матильде и законной наследнице королевского престола острова Суматра на родственника человека, лишившего её беззаботного будущего? Конечно же – только игнорировать!

– Есть кто живой? – всё так же беспомощно шипел Сева, пытаясь распутаться и слезть с кровати. Он, как только продрал глаза, сразу понял, что неладное творится до сих пор. Пальцы на его ладонях связаны странным образом: левый мизинец с правым, правый безымянный с левым, левый средний с правым, правый указательный с левым, а большие между собой.

Получается, что ладони привязаны друг к другу таким образом, что и дураку понятно – самостоятельно этого сделать нельзя!

Осознав, что связаны не только руки, но и ноги, Сева понял, почему же так трудно вставать с постели. Он оказался ещё и привязан к кровати широкой оранжевой лентой с бантом посередине. Как подарочная коробка леденцов монпансье, крест на крест перевязанная и красивая.

А на кровати много фантиков от конфет «Радий» и бант. Он улыбнулся.

– Наверно, было весело, – прошипел Сева, но вспомнил,

что воняет, и перестал улыбаться.

На часах было 88—88, когда ему удалось полностью освободиться и распахнуть окно, чтобы хоть немного проветрить в комнате. Часы зависли. Видимо, Сева тоже вчера неплохо завис.

В дверь кто-то пизднул с ноги. А потом ещё раз и ещё. Но Сева не слышал и этого, потому что его внимание привлекла вода. Тёплая. Она ласково плескалась под его ногами, и в ней плавали пустые банки от энергетиков и мусор из предыдущего рассказа.

Послышался странный и очень слабый шум, доносящийся из коридора, а затем оттуда в комнату ворвалась волна, ударила о стену и разбилась вдребезги... В слюни. Эффектно.

Сева вынул из ушей беруши и сразу стало так громко, что он зажмурился от ужасной какофонии и зажал уши ладонями.

Постепенно он адаптировался к шуму. Но ошибся. Это был не шум, а тишина, и в руках он держал не беруши, а тампоны. Наверно? «тампакс». Он в них не разбирался.

Он опять улыбнулся.

— Господин Даль! — послышался нежный женский голосок из коридора. — Вы дома?

— Меня нет, и тампонов у меня ваших тоже нет, и вас тоже нет. Вы глюк! — зашипел Сева и удивился, насколько громким был его шёпот и быстрой реакция. Но его явно услышали.

Загадочная незнакомка, судя по волнам, бегущим из коридора, плыла по направлению к комнате. А значит, и к Севе. А он, в свою очередь, стоял голышом в тёплой воде по щиколотку перед открытым окном на первом этаже днём и держал в руках два тампона. И у него сейчас никак не получалось стать прозрачным, хотя он очень сильно старался.

Поэтому пришлось схватить халат из чёрного бархата, висевший на гвозде, висевшем в воздухе, надеть его, обмотать вокруг шеи красное полотенце, засунуть оба тампона в карманы, закрыть окно, закрыть металлические жалюзи на окнах, задернуть темные драповые шторы и зажечь все 33 свечи в подсвечнике на столе.

Он сделал это за несколько секунд и понял, что не имеет ни малейшего понятия, что же делать с водой, мусорным баком и воню.

Из темного коридора в комнату вплыла невиданной красоты девушка. В резиновых сапогах выше колена. В непромокаемом плаще с капюшоном. И с большой операторской сумкой через плечо. На дворе стоял месяц август. Было тепло.

– Здравствуйте, господин Даль, – сказала девушка, подплыла к Севе и протянула ему руку.

Сева опешил, но, быстро ретировавшись, припав на одно колено, взял протянутую ладонь за кончики пальцев и с крайней степенью импрессии поцеловал её.

– О, прекрасная незнакомка! Разрешите мне, человеку творческой национальности, поинтересоваться, чем я обязан

вашему визиту, и могу ли я вам покорно сослужить? – а про себя он подумал: «О-го-го, какие сиськи!»

– Мы с вами вчера виделись на вечеринке у президента банка «Суматра-Инвест», я хотела взять у вас интервью для журнала «Stuff», но вы были так сильно заняты, что написали на листочке что-то, смяли его и бросили мне в лицо. Вот он, – и она протянула Севе скомканный листок бумаги.

Сева поднялся с колена, взял листок, подошел к 33 ваттам освещения и, развернув, прочёл: «Приходите после обеда завтра ко мне в апартаменты. Я обычно интервьюирую у себя в рабочем кабинете при свечах. Это располагает к непринуждённой беседе. Так я смогу вам открыть некоторые тайны человеческих отношений. Вы сразу мне понравились, но я понимаю, что работа прежде всего! Я сделаю всё возможное, чтобы секс между нами не состоялся в первую встречу, хотя возжелал вас в одно мгновение. Не удивляйтесь, если будет резкий или едкий запах. Советую вам надеть завтра на интервью резиновые сапоги выше колена, непромокаемый плащ и, на всякий случай, взять респиратор и свисток. Приходите во второй половине дня, потому что понедельник день тяжелый – это неправда. В понедельник работать можно и нужно. Только во второй половине дня. Когда придёте, не стучите в дверь и не звоните в звонок, бес-полезно. Сразу начните пиздячить по ней ногой, пока не выломаете. Я отвечу на все ваши вопросы, если буду дома. А сейчас, простите меня. Сева Даль».

Ниже были нарисованы огромные сиськи и жирный восклицательный знак.

– Надевайте респиратор, присаживайтесь и включайте магнитофон. Свисток не пригодится, но всё равно положите его перед собой, на случай, если я сорвусь.

Девушка, замороженная словами гения маркетинга и пиара, присела и включила диктофон. Сева надел свою чёрную шляпу, погасил все свечи и повернулся вполоборота. Плеск воды под ногами и еле различимый шум механизмов кассетного диктофона – единственное, что оставалось ощутимым.

– Реклама – важная отрасль коммерческой деятельности, требующая профессионального мастерства в планировании и сборе информации и творческого подхода к делу. Последнее принято сегодня называть модным словом «креатив»...

Упс

– Думаешь, прокатит?

– Ты давай твори, не тупи! Я, короче, прихожу такой, всё думаю, сейчас сделаю, всё уж давным-давно готово. Осталось отдать. Заморочился поначалу, но вроде всё сделал. Не! Это реально выматывает. Нервы на пределе. В очереди часа три стою, подходит моя. Вошёл в кабинет, а там такая девушка! Загляденье! Лет 25, волосы светлые, прямые. Глаза, не поверишь! Го-лу-бы-е. Просто конфета.

– Привет, красавица! – говорю.

– Добрый день, что у Вас?

– Я по поводу этого, – и протягиваю ей конверт.

Она посмотрела и говорит:

– А где фотографии?

– Дануна! Нет фоток?! Как так?

– Посмотрите сами, – говорит, улыбаясь, и протягивает мне конверт. Беру его.

– Сева! Ты не отвлекайся! Твори! Беру конверт в руки, открываю, будто первый раз вижу. Заворожен красотой. Го-лу-бы-е глаза, ах! А в конверте и вправду нет фоток. Вот облажался, всё сделал, а фотки – нет. Вот я к тебе и забежал, больше некуда, они до четырёх сегодня работают. А мне до ближайшего фотосалона минимум сорок минут добираться, а потом обратно сорок. Короче, Сева, рисуй!

– Думаешь, прокатит на заграни?

– Ты давай твори...

Аномалия

«Зеркальный шар посередине озера» был знаменит на всю округу, страну и, возможно, на весь мир. В нём жила ОНА. Её никто не видел и не знал, как она выглядит. И никто не мог с уверенностью сказать, что именно ОНА, а не ОН и не ОНО. По какой-то неведомой никому причине сомнений в том, что ОНА была ОНА, не возникало.

Люди поговаривали, что случайно увидевшие её становились безумцами и погибали сразу после встречи. Как правило, тонули или покидали город молча, бесследно, с безумием в глазах. Были и такие, наверняка рождённые уже безумцами, которые специально отправлялись на встречу с ней. К шару. Преследуя цели, нормальному человеку неведомые. Их постигала та же самая участь – пропасть забытья.

Да и существование «Зеркального шара посередине озера» находилось под большим сомнением. Раз в триста тридцать три дня он появлялся с первым лучом солнца, бегущим по водной глади, и пропадал бесследно с последним убегающим.

С берега можно было увидеть широко распахнутый иллюминатор (может быть, окно, кто знает) и силуэт у окна. Белый силуэт. Но никто, практически никто, не осмеливался смотреть в бинокль в том направлении или пытаться сделать фотографию.

Нет, вы не подумайте, попытки были! Но блики солнца слепили смотрящих на шар. А фотографии получались за-свеченными, в каком бы режиме ни производилась фото-съёмка.

Радары военных, привлеченных к исследованию, теплови-зоры, рентгеновские пушки, лазерные детекторы, анализато-ры спектра и прочая техника не давала никаких результатов. Будто мираж – «Зеркальный шар посередине озера». Ни по-глощения, ни излучения, нечто из ничего. Техника сходила с ума от отсутствия результатов или выгорала от информа-ционных потоков абсурда. Вслед за техникой сходили с ума люди. Явление было названо «Оптическая Аномалия Фига-ся».

И со временем жители маленького провинциального го-родка Фигася, откуда родом был Сева Даль, перестали обра-щать на «шар» внимание. Ведь его появления были так ред-ки. И неприятностей он не причинял.

Нет, вы не подумайте, попытки исследования, конечно же, продолжались! Все с одинаковым результатом. Плачевным.

Но был один нюанс. Как в любой нормальной сказке, на-ходился Иванушка или Дурачок, который плевал на все ка-ноны и уставы и со своим лез в чужой монастырь. В Шаолине этого не допустили бы, но дело было в Фигасе.

И этим нюансом был Сева Даль. Интереснейший чело-век с неординарными способностями, талантом к смешива-нию ментальных пространств и чрезвычайной концентраци-

ей фантазией.

Однажды, после подписания очень хорошего контракта, он, наотмечавшись, оказался в центре озера голый, привязанный к спасательному кругу, с бесконтрольно эрегированным членом. Как раз в триста тридцать третий день.

С первым лучом солнца над гладью озера засверкал шар. Аккурат в том месте, где плавал голожопый и спящий Сева. С тех пор к этому дню он готовился тщательно. Долго медитировал,пил отвар, приготовленный соседкой Зоей, и рано утром, до восхода солнца, отчаливал на своей лодке (так он называл любую лодку, найденную им на берегу) в строго определённое место.

Плыл по показаниям штуковины, оставленной ЕЙ в тот раз, бросал якорь и ждал солнца.

- Привет, лучезарная моя!
- Здравствуй, Сева Даль из Фигася!
- Скучала поди?
- Многие световые!
- Чешется?
- О-го-го как!
- Готова?
- Всегда!
- Тогда поехали...

Когда всё кончалось, он уплывал, а ОНА в очередной раз с грустью смотрела на удаляющийся образ его лодки. Медленно и размеренно покачиваясь, бежал в направлении бе-

рега кораблик Севы. Любви на Венере ранее не знали. А отпуск был такой короткий.

Грустно.

Не тётка

– Паша, я вот возьму и про тебя напишу. В моём любимом журнале, в разделе «Ублюдки века». А статью назову «Безэмоциональное чмо как прототип поведения современного гомодрила». Мне как раз в апрельском номере полосу выделили. Сука! И поверь мне, сделаю это в лучшем свете, акульим пером начертаю всю правду. Гнида! – Сева был в гневе. Он только что вернулся из рабочей командировки и был очень голоден и, соответственно – зол. До одури. А тут ещё непредвиденные игрища.

– Да не кипятись ты, пацанчик! Всё нормально, дыши глубже, нюхай борщ, ласкай его языком. Только не обожжись, горячо-о-о! – Пафнутий, дружбанице Севы, бегал вокруг стола и, высунув язык, дразнил его.

– Отдай, сука, ложку! Я жрать хочу! – постепенно негодование Севы переполнило чашу терпимости на весах эмоционального контроля, с обратной стороны которых стояла чаша безумного неподконтрольного гнева, готового выплеснуться в произвольной форме кулачного боя.

– Да что ты как баран?! Ешь пока руками, там вон кость с мясом лежит! Оп! Гляди! Обглодай! Лай, лай, лай! – Паша был немного не в себе и продолжал нарезать круги вокруг стола, жонглируя одной ложкой. Глазки прищурены, блестят. Движения нервные, дёрганые.

Но они друг друга стоили. Сева и Паша – гордость Фигася и радость наша. Не зря люди с детства про них говорили: «Два сапога, оба на среднюю ногу» и «Братья по отсутствию разума».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.